

Десакрализация смерти на телеэкране

Смерть в кино и теленовостях

Зрителю не нравится, когда главный герой фильма, с которым он себя отождествляет, погибает – он не затем включает телевизор, чтобы пережить свою конечность. Таких фильмов на телеэкране мало – чаще все же погибают второстепенные персонажи. А смерть в телевизионных новостях всегда случается с отчужденными другими, с «ними»... Парадокс: в мастерском фильме-произведении возможно максимально драматичное отождествление с умирающим героем – хотя мы понимаем, что это лишь актер и смерть его условна. В новостях же мы взираем на смерть как зрители в театре – хотя и понимаем, что она реальна. Она здесь тоже, в конечном счете, срежиссирована и смонтирована по канонам новостного жанра, предполагающего некоторую «объектность» восприятия (не объективность), дистанцирующую от личностного сопричастия к подобному событию. Вот почему некоторые могут с интересом созерцать кровавые криминальные хроники, но отказываются от просмотра «тяжелых» мелодрам.

Смерть героя фильма «невыносима» иногда даже для кинокритиков – настолько она может ощущаться как настоящая, несправедливая и неожиданная, как «неправильная». Например, философ Ф. Джеймисон, выступая против смерти мальчика в фильме К. Кеслевского «Декалог», настаивал, что режиссер должен нести ответственность за это, подобно позднесредневековым авторам, которым право предписывало наказание за расправу с популярным героем своего произведения¹.

В новостях и криминальных передачах смерть «правильная» – поскольку ожидаемая, достоверная, легко усваиваемая. Включая телевизор, мы заранее знаем, что нам непременно покажут катастрофу или преступление. Такая смерть перестает быть новостью. Возникает странная логика смерти: она становится оправдана постольку, поскольку ее показали в новостях, новости для этого и существуют, здесь она «нормальна» (даже в самых ужасных своих проявлениях). В жизни же, теряя близких, человек не верит поначалу в реальность происшедшего, смерть представляется именно нереальной, ничем не оправданной, и проходит много времени, прежде чем и

---

¹ Жижек С. Возлюби мертвого ближнего своего. // Художественный журнал. - 2002. - №40. <http://www.guelman.ru/xz/362/xx40/xx4016.htm>

это страшное событие будет интегрировано в личный опыт и обретет свой смысл (иногда этого так и не происходит).

Какой же должна быть смерть на экране? Должна ли она быть там вообще? Существует точка зрения, что «настоящей» смерти на ТВ-экране нет, несмотря на изобилие «летальных» сюжетов как в «реалистичных» информационных программах, так и далеких от действительности фильмах и сериалах. Эта тема вроде бы «табу» – особенно для американской культуры. Пусть так, но есть ли способ показывать смерть иначе? Единственно верный? А главное – есть ли в этом подлинная необходимость? Да, натурализация смерти крупным планом неприемлема и отвратительна – не только потому, что это крайне травмирующее зрелище. Это то, что Бодрийяр назвал бы «порнографией» – слишком реалистичный, сверхреалистичный захват камеры смертью-объектом, *мертвым взглядом, пустым взглядом*. Эта встреча ужасает, поначалу (так же как порнография вначале возбуждает). Затем наступает «усталость сострадать», проявляющаяся либо в эмоциональном притуплении, либо избегании подобного опыта. Как выход, предлагают перейти на американские стандарты демонстрации насилия (при освещении катастроф, террора, прочих преступлений): то есть вовсе отказаться от наглядного показа атрибутов смерти. Никаких искалеченных тел в кадре, никаких неадекватных эмоций, никакого нагнетания массового психоза. С точки зрения этики и психологии, это, безусловно, правильно. А с некоей экзистенциальной точки зрения? Нет ли здесь какой-то связи с упомянутым «американским» неврозом смерти? Стерилизованная, прибранная, невидимая и безголосая, смерть отходит на задний план и оттуда буквально затопляет «прогрессивную» цивилизацию вытесненным страхом.

Так что же – как показывать?

Мы не знаем, как ее показывать, поскольку мы не знаем, как к ней относиться. И если для художника, писателя и режиссера (принадлежащих искусству, а не культуриндустрии) – это каждый раз личный выбор, уникальный узор его «подписи» (Деррида), то для обезличенных масс-медиа это неразрешимая проблема. Этот выбор – привилегия исчезающего высокого искусства; в сфере СМИ к нему близка лишь публицистика. Смерть нуждается в придании смысла, а не констатации.

В фильме-произведении мы смерть видим, а в новостях и сериалах на нее смотрим. Однако все эти разновидности смерти уравниваются одним форматом – телевизионным. В конце концов, все это происходит в «ящике», который захочу – включу, захочу – выключу. Наверное, это создает иллюзию управляемости жизнью.

Мотив влечения к смерти на экране – не только эгоистическое самоутверждение своей жизни за счет небытия других, не только всплывающий из бессознательного зов к зрелищу публичных казней. Это также желание узнать и понять смерть еще при жизни, не умирая. Избавиться от страха, страшит ведь неизвестное. Сделать смерть «известной», примерить на себя, подглядеть ее таинство. Подойти как можно ближе, притерпеться до бесчувствия. Но здесь, по-видимому, нужна другая близость, не пространственная. Лицом к лицу – лица не увидеть... Лишь маску.

Смерть на мониторе

Новую возможность выражения своего отношения к смерти дает Интернет. Новостные и тематические сайты в изобилии размещают информацию о трагических событиях, иллюстрируя их зрелищными фотографиями или видео. Здесь с этичностью изображений церемонятся гораздо меньше, чем на официальных телеканалах. Напротив, то, что остается за кадром теленовостей, в самом зазывно-шокирующем виде предстает перед пользователями Сети. Это своего рода вытесненное «Alter Ego» телевидения: если в ТВ-новостях нет «живой» смерти (ее заменяет статистика), нет крупных планов мертвых тел, то в Интернет «работа» смерти или страшной болезни сверхнаглядно представлена во всех ракурсах и деталях. Интернет порнографичен по своей природе, он ко всему открывает доступ, расширяя культурный вуайеризм и эксгибиционизм до новых пределов: теперь можно подглядывать не только за действиями других, но и за их мыслями, намерениями, даже самыми интимными и сокровенными.

Отдельных слов заслуживает жанр «комментариев» к новостям, в том числе и получивших освещение на телевидении. Эта «визуализация» общественного мнения, в частности, в отношении чьей-либо смерти, весьма примечательный феномен.

Приведу один пример. Не так давно в СМИ прошла информация о крушении вертолета в Горном Алтае, на борту которого находились чиновники федерального и республиканского уровней. Из одиннадцати человек семеро погибли. Пока велись поиски и уточнялись списки погибших и выживших, форумчане местного городского сайта бурно обсуждали эту новость. И от беспокойства за судьбу экипажа и пассажиров вертолета плавно перешли к открытому выражению «классовой» ненависти и своего удовлетворения по поводу случившегося. В результате руководство сайта закрыло эту тему во избежание «непристойных» комментариев. И это, безусловно, не единичный случай, когда смерть людей из высшей касты власти или шоу-бизнеса вызывает у аудитории неоднозначную реакцию. Эта

реакция не может быть вписана в идеологический дискурс официальных теленовостей, не может быть показана на телеэкране – Интернет явился той виртуальной резервацией, где можно анонимно и безбоязненно говорить о мертвых «плохо». Мы имеем дело с крайним случаем, когда аудитория сама, без «помощи» социологов, философов и психоаналитиков открыто заявляет, что факт смерти другого (особенно другого, обладающего привилегиями) приносит ей *наслаждение*. Разумеется, аудитория неоднородна, среди завсегдатаев Сети есть искренние гуманисты, изобличающие плебейские чувства своих собеседников: «Неужели, если у тебя нет машины, ты также радуешься каждому ДТП?». Но ведь и гуманисты не в состоянии отвести глаз от соблазнительно-кошмарных заголовков и картинок на мониторе, они тоже потребители символического насилия...

Еще один Интернет-проект – персональный сайт в стилистике мартиролога. Автор тщательно отслеживает даты смерти выдающихся людей, старается, по возможности, попасть на похороны и запечатлеть могилы фотокамерой. Эти визуальные исследования сопровождаются личной оценкой общественной роли умершего, впечатлениями от прощания и философскими суждениями о бренности бытия. Каждый новый случай такой смерти – находка, добыча, желанный экспонат в виртуальном музее-склепе. Не будем предвзяты, кто знает, быть может, любовное собрание этой коллекции действительно есть путь самопознания и осмысления смерти для ее создателя. Телевидение в этом менее успешно, оно слишком быстро предаёт забвению своих героев, оно лишь называет имена, но не хранит их. Смотритель виртуального кладбища, аккуратно заполняющий свой полевой дневник, исполнен значимости этого занятия: свидетельствуя смерть других, признавать себя живым.

Смерть как медиасобытие

Мало кто из сидящих перед экраном/монитором думает о том, что испытывают родственники, когда смерть их близкого становится медиасобытием. Вариаций много – от возвышенных и символических образов «ухода», исключаящих сам похоронный ритуал, поскольку этот человек был и остается для нас *живым* (так бывает в случае смерти любимых актеров, общественных деятелей), до бесцеремонного показа, пусть и общим планом, останков рядовых жертв бытового криминала (людей «второго сорта», которых можно показать и в таком «виде»). Первые являются публичным достоянием, это лучшие из «нас», нельзя оскорбить их память пристальным разглядыванием мертвых тел. Вторые – ничем не примечательные в жизни безвестные «они», герои криминальных и «чепешных» хроник, отличная

мишень для ищущего развлечений взгляда. Подобно тому, как в представлениях ряда архаических культур статус умершего влиял на его посмертную участь (элита и принесенные в жертву попадали в рай), сегодня статус может определять образ-судьбу умершего в виртуальном пространстве.

Но и в первом случае жестокие законы медиа-реальности порой наносят глубокую психологическую травму тем, кто потерял близкого, и к тому же, известного человека. Как-то на лекции, посвященной феномену смерти (в рамках курса по культурной антропологии) студентка рассказала всем присутствующим довольно грустную историю. Из-за болезни внезапно скончался известный российский футболист, родом из здешних мест – студентка хорошо знала его родственников. Последних практически лишили возможности попрощаться с ним по-человечески: и место, и время похорон, и «процедуру» прощания определяли спортивное руководство, представители власти и масс-медиа. Окруженные десятком телекамер и высокостатусными лицами, держащими перед ними речь, бедные родственники играли роль статистов в этом страшном реалити-шоу: *«им даже не дали побыть с ним, попрощаться, их вообще никто не слушал»...* Приближение этого события к массовой аудитории, проглотившей очередной сюжет с летальным исходом, было достигнуто за счет отчуждения от него самых близких, для которых это не «сюжет», а мучительная реальность.

Смерть является ходовым товаром, а смерть известных людей особенно. Если так называемая «качественная» пресса избегает ее прямой демонстрации в силу некоей профессиональной этики, то «желтые» издания и Интернет действуют по принципу не только полной свободы слова – но и полной свободы взгляда. Вспомним папарацци, преследующих принцессу Диану с ее возлюбленным, и стремящихся заснять сенсационные кадры их гибели. Поэтому отмеченный выше фактор статуса работает, скорее, только в режиме официальных СМИ. За пределами норм журналистской этики все действительно становятся равны перед лицом смерти. И этим лицом часто оказывается камера...

Исчезновение смерти

Итак, пытаясь многократными повторами и укрупнениями утвердить реальность смерти, камера превращает ее в симулякр, в чистую видимость. И мы уже готовы рассматривать это как святотатство или как результат вытеснения травматической реальности из бессознательного на поверхность телеэкрана. Но что в действительности это значит? Возможно, именно то и

значит: смерть есть видимость. Это религиозное послание человека самому себе стоит прочесть в буквальном смысле.

Заявив о смерти Бога и отвернувшись от сакрального, мы обрекли себя на полное отождествление с телесным и его фатальной участью – материальным распадом. Смерть перестала быть духовной инициацией, посвящением и переходом в измерение вечности, вратами нового рождения; за ней не следует ни воскресение, ни просветление, ни иное воплощение. Жизнь при этом не менее абсурдна и страшна, чем сама смерть. Нам некуда деваться от наших фобий, что бы мы не делали, мы проецируем на это свой страх смерти, а «интерсубъективным» экраном этих проекций стали визуальные масс-медиа. Экспертом же в деле смерти признан не мистик, а патологоанатом. Если у кого-то есть вопросы, соответствующий специалист ответит.

Но все устроено по кругу: удаляясь от сакрального в одну сторону, мы приближаемся к нему с другой. Отринув христианский Логос, осуществив деконструкцию смысла и значения, мы пришли к буддийскому «ничто», запредельному любым понятиям и образам. «Встретишь Будду – убей Будду», это изречение дзен-буддистов утверждает, что если ты все еще мыслишь понятиями и видишь образы, пусть даже Будды или Христа, ты пребываешь во власти *майи* и сконструированной умом реальности (к этому близок и христианский мистицизм, например в лице Мейстера Экхарта). Появление виртуального вынудило нас признать, что мы живем в мире симуляций, конструкторов, *иллюзий*. Принято считать, что это результат работы виртуальных коммуникаций, их эффект. В самом деле? А может быть, виртуальные коммуникации просто стали тем огромным зеркалом, в котором смогла отразиться природа так называемой реальности (реальности, как мы ее сегодня мыслим) – и мы увидели ее *видимость*.

Стало быть, и многократно растиражированные на телеэкране натуралистические лики смерти, «затертые до дыр» «замыленным глазом» аудитории, могут быть религиозными посланиями. Смотря *как поглядеть...*